

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-817-830
EDN: QJXPTP

Научная статья / Research article

Понятие политического как пространство концептуальных противоречий и теоретических дебатов

Н. Пригорян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1042215273@rudn.ru

Аннотация. В сфере политической теории и философии понятие политического претерпело за последнее столетие сложную эволюцию. С момента своего возникновения в новаторской работе К. Шмитта в 1927 г. этот термин превратился в глубоко полемическое понятие, трактовкой которого занимались наиболее значимые политические теоретики и философы XX в. Но особый вклад в понимание термина внесли Карл Шмитт, Ханна Арендт, Юрген Хабермас и Джон Ролз. Цель данного исследования — раскрыть и проанализировать три основных подхода к концептуализации политического и выявить схожее и различное между тремя формулировками. Каждая концептуализация политического исследуется через призму трех критериев: восприятие *другого*; принцип выстраивания политических взаимоотношений в обществе; природа конфликта и формы его решения. Опираясь на сравнительный метод и когнитивный анализ, выводится сущность, заложенная каждым автором: политическое как экзистенциальное противостояние друг/враг К. Шмитта; политическое как деятельность, реализующая человеческую свободу в трактовке Х. Арендт; и политическое как пространство рационального консенсуса у Ю. Хабермаса и Д. Ролза. Тем не менее даже в радикально разных формулировках прослеживаются либо общие элементы, либо общие последствия. Признается ключевое значение динамичной и развивающейся природы понятия политического, однако ставится под сомнение объяснительная способность каждого концепта политической реальности настоящего времени. В заключении предлагается новый подход к концептуализации понятия политического, который принимает во внимание нестабильность и неопределенность современного мира.

Ключевые слова: политическое, суверенитет, делиберативная демократия, рациональный выбор, справедливость, консенсус, плюрализм, конфликт

© Пригорян Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Пригорян Н. Понятие политического как пространство концептуальных противоречий и теоретических дебатов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 817–830. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-817-830>

The Concept of the Political as a Space of Conceptual Controversies and Theoretical Debates

Nelly Prigorian

RUDN University, Moscow

Russian Federation

✉ 1042215273@rudn.ru

Abstract. In the field of political theory and philosophy, the concept of political has undergone a complex evolution over the past century. Since its inception in the pioneering work of K. Schmitt in 1927, this term has become a deeply controversial concept, the interpretation of which was carried out by the most significant political theorists and philosophers of the twentieth century. However, Carl Schmitt, Hannah Arendt, Jürgen Habermas, and John Rawls made notable contributions to understanding the term. This article aims to reveal and analyze the three main approaches to the conceptualization of the political and to identify the differences/similarities between the three formulations. Each conceptualization of the political is explored through the prism of three components: the perception of the other; the principle of building political relationships in society; and the nature of the conflict and the forms of its resolution. Based on the comparative method and cognitive analysis, the essence laid down by each author is derived: political as an existential confrontation between friend/enemy of K. Schmitt; political as an activity that realizes human freedom in the interpretation of H. Arendt; and political as the space of rational consensus in J. Habermas and J. Rawls. Nevertheless, common elements or consequences can be traced even in radical different formulations. The critical importance of the dynamic and evolving nature of the concept of the political is recognized, however, the explanatory power of each concept of the political reality of the present is questioned. In conclusion, a new level of conceptualization of the political is proposed, which considers the instability and uncertainty of the modern world.

Keywords: political, sovereignty, deliberative democracy, rational discourse, justice, consensus, pluralism, conflict

For citation: Prigorian, N. (2023). The concept of the political as a space of conceptual controversies and theoretical debates. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 817–830. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-817-830>

Введение

В последние несколько десятилетий развернулись широкие дебаты в политической теории и философии вокруг концепта *политическое*. Само понятие как термин стал одним из самых полемических и неоднозначных с самого момента публикации К. Шмиттом своего текста *Понятие политического* в 1927 г. Сам автор несколько раз корректировал свой изначальный текст в 1932 и 1933 гг.

[Meier 2008], возвращаясь вновь к определению понятия политического десятилетия спустя в работе *Теория партизана* [Schmitt 2007].

Несмотря на то, что отсылки на политическое, как на основополагающий феномен политики, можно отследить задолго до его концептуализации Шмиттом [Кукарцева, Дмитриева 2015: 18], именно ему принадлежит заслуга внесения понятия в глоссарий политической науки и философии. Автор обосновал появление термина необходимостью размежевания между концептом *политика*, т. е. практикой, связанной с организацией общества и управлением государства, и самодостаточным фундаментом без отсылки к другим сферам человеческой деятельности, выражением которого и является политика. Таким образом, прилагательное *«политическое»*, обозначающее качество, свойство или принадлежность предмета к чему-либо, по сути, стало существительным, т. е. самим предметом, а для политической теории и философии основным предметом исследований, теоретизации, дебатов и тезисов целой плеяды философов и теоретиков современной политической мысли. Одним из первых критиков понятия *политическое* стал Лео Штраус [Strauss 2008], анализ которого был принят во внимание К. Шмиттом в последующих редакциях своего текста [Meier 2008], но только начиная с конца 50-х гг. XX в., т. е. на рубеже завершения одной войны — Второй мировой — и начала другой — Холодной — политическое как предмет исследования стало центром внимания политической теории и философии. Политические потрясения мирового масштаба 1990-х гг. — исчезновение СССР и крушение коммунистического идеологического лагеря — и начала нулевых — крушение Башен Близнецов при теракте в Нью-Йорке — дали новый толчок теоретизациям и дебатам, связанным с пониманием политического и его концептуальной формулировкой. Свой особый вклад среди многих других внесли К. Лефорт [Lefort 1991], Ж. Фрэнд [Freund 2003], М. Фуко [Foucault 2015], Ж.Л. Нанси [2011], Ж. Деррида [Derrida 2002], Д. Агамбен [Agamben 1998], Р. Эспозито [Esposito 2023], А. Бадью [Badiou 2006], Ж. Рансьер [Ranciere 2021], В.А. Подорога [2010], А.В. Магун [Magun 2020]. Каждый теоретик выдвигает свое особое понимание политического посредством критики или дополнения, опровержения или расширения масштаба самого концепта или новой расстановки акцентов в самом понятии. Но, так или иначе, каждое новое определение отталкивается от первоначальной формулировки понятия политического К. Шмитта.

Цель данной работы — предложить концептуальную картографию трех основных понятий политического, раскрыть основные теоретические направления в формулировке термина и концептуальные основания каждого, чтобы понять, насколько конкретное политическое пространство, трактуемое как ареал обитания разнообразных форм политической жизни [Пушкарева 2012: 166]), и логика политического поля, понимаемая как конкуренция различных политических продукций и программ [Бурдые, 1993: 181–182]), влияет на формулировку термина и свою взаимосвязь с конкретными политическими процессами времени, исходя из тезиса самого К. Шмитта об историчности любого концептов. Для этого в первой части работы рассматривается политическое в понятии

К. Шмитта, во второй — Х. Арендт и третьей — Ю. Хабермаса и Дж. Ролза, чтобы в третьей части сопоставить между собой три разных подхода к трактовке термина и понять, насколько они отвечают вызовам современного мира со своей нестабильностью и неопределенностью. В заключении выносятся на дебаты новый подход к формулировке понятия, принимая во внимание политические события последнего времени.

Политическое как экзистенциальное противостояние друг/враг

Достаточно краткое определение, к которому К. Шмитт сводит политические действия и мотивы — различие *друга* и *врага*, преподносится «в смысле критерия, а не через исчерпывающую его дефиницию или извещение о содержании понятия» [Шмитт 2016: 301]. Сам критерий автор фундаментирует на особом понимании человеческой природы, при которой «человек предполагается «злым» существом, т. е. никоим образом не рассматривается как непроблематический, но считается «опасным» и динамическим» [Шмитт 2016: 338], делая отсылки к теоретикам современной политической мысли — Н. Макиавелли, Э. Шпрангеру, Г. Гегелю, Ф. Ницше, Т. Гоббсу, И.Г. Фихте, Ж. де Местру, Х.Д. Кортесу [Шмитт 2016: 337, 338]. Для Шмитта человек по природе является *hostis* [Шмитт 2016: 328], постоянно предрасположенный не только к войне, но и к физической ликвидации другого, дополняет его Штраус [Strauss 2008: 141]. Поэтому различие и разделение друг/враг является натуральной необходимостью человека сгруппировываться в сообщества с целью обеспечить свою безопасность. Отсюда и утверждение, что «понятие государства предполагает понятие политического» [Шмитт 2016: 294]. Другими словами, самоидентификация сообщества и его государствообразование происходит через идентификацию врага и экзистенциальное противопоставление ему.

Враг в теории К. Шмитта есть именно *другой*, который «в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое», с которым конфликты не могут быть решены в рамках нормы, так как речь идет о сохранении собственной бытийности и отпоре «инобытию чуждого» или одержании победы над ним [Шмитт 2016: 294]. То есть конфликт приобретает экзистенциальный характер, и его решение возможно только в рамках чрезвычайного положения, точнее, декларации суверенном чрезвычайного положения для решения конкретного конфликта, который по своей природе не может быть предусмотрен в нормативном законодательстве [Шмитт 2016]. В своей фундаментальной работе *Понятие политического*, Шмитт подчеркивает, что *враг* — это «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» и эта борьба имеет только публичный характер [Шмитт 2016: 304]. Тем не менее если в первых двух публикациях этого текста (1927, 1932 гг.) автор представлял политическое как некую сферу деятельности, то после критического анализа Л. Штрауса [Strauss 2008] Шмитт скорректировал свою позицию и стал трактовать термин как противостояние/противоположность, которая насквозь пронизывает все области человеческой деятельности [Meier 2008].

Максимальное выражение политического — это война, когда конфликт находится вне границ государства, и гражданская война или революция, когда конфликт приобретает национальный характер. Для автора эти два последних проявления политического имеют самые страшные последствия, так как ставят под удар не только определенный порядок, но и существование самого государства. Так или иначе, самые релевантные тексты К. Шмитта направлены на обоснование тотального государства, национального политического единства и суверена — единого носителя политической воли. В условиях тотальности возможность возникновения какого-либо политического конфликта сведена к своей минимальной возможности, так как предполагает гомогенную однородность единого знаменателя. Тем не менее «нужно учитывать, что *политическим потенциально может стать все*» (курсив автора) [Шмитт 2010: 96]. Таким образом, политическое у Шмитта не относится исключительно к публичной сфере, конфликт может возникнуть в любой момент и достичь интенсивности противостояния друг/враг, но его разрешение всегда происходит именно в публичной области. В стремлении обеспечить национальное политическое единство, фундаментальное условие государственности и устранить саму возможность возникновения внутреннего политического конфликта теоретик выстраивает необходимые механизмы как чрезвычайное положение, которое приравнивает к «чуду» в теологии децизионизм суверена с полномочиями отменять все правовые нормы и законы, включая саму Конституцию *in toto* [Шмитт 2016], и установление суверенной диктатуры [Schmitt 1968]. В этом смысле в шмиттеанской теории, по сути, существует один-единственный политический актор — суверен, единоличный или коллективный, который принимает политические решения и действия для их реализации. Таким образом, политический конфликт у Шмитта мыслим/допустим только в международном пространстве, т. е. между суверенными государствами, экзистенциально противостоящими друг другу. Но и само это противостояние не есть нечто непоколебимое и отвечает конкретному политическому положению, т. е. тот, кто был другом вчера, сегодня может стать врагом. Другими словами, политическое у Шмитта это онтологическое измерение человеческой природы, но фигура врага приобретает конъюнктурные обоснования и им может стать любой, на кого укажет суверенная власть, как вне, так и внутри самого государства.

Политическое как реализация человеческой свободы

Диаметрально противоположной точки зрения о сущности политического придерживалась современница Карла Шмитта Ханна Арендт. Подход Х. Арендт подчеркивает значимость человеческих действий в публичном пространстве, которые она отличает от обыденного поведения. Действие — это средство, при помощи которого люди выражают свою уникальность и взаимодействуют с *другими* в общественной сфере [Арендт 2000]. Собственно, в этой сфере и возникает политическое, когда люди, собравшись вместе, взаимодействуют в обсуждении для коллективного влияния на ход политических событий через

свои решения. Именно это Арендт называет «чудом», подразумевая под ним способность внедрения новизны, рождения нового посредством взаимодействия между разнообразным множеством в реализации своей свободы и эмансипации общества в целом. Максимальным выражением новизны является революция как форма радикальной эмансипация с установлением новых, более справедливых институтов [Арендт 2011]. Таким образом, политическое для Арендт — это не абстракция, оторванная от жизни, а динамическая сила, возникающая в результате взаимодействия людей, участвующих в значимом диалоге в публичном пространстве. Область политического для философа существует параллельно вопросам каждодневной жизни, которые находятся в сфере проблематики частной жизни, так как политическое «защищено от всего преходящего и отдано относительно долговечному, а стало быть, прямо предназначено для того, чтобы обеспечивать бессмертие смертному человеку» [Арендт 2014: 74]. Другими словами, политическое у автора есть нечто неизменное, как и у Шмитта, онтологически присущее человеку, с разницей, что отсылает к уникальности каждого и необходимости взаимодействия для решения общих задач в своей инаковости.

Понимание *другого* Арендт имманентно вплетено в ее философию, которая категорически не приемлет солипсизм. Вместо этого немецкий философ подчеркивает онтологически присущую людям взаимосвязанность. Взаимосвязь становится особенно значимой в общественной сфере, где разворачиваются политические взаимодействия. Множественность уникальных точек зрения, безусловно, порождает конфликт, но Арендт рассматривает конфликт скорее как силу, которая обогащает политические дебаты и ведет к творческому решению проблем. Взгляд Ханны Арендт на природу конфликта и формы его разрешения является отличительной особенностью ее политической философии, бросая вызов традиционным представлениям, которые рассматривают конфликт по своей сути как негативный и деструктивный элемент. Философ предоставляет альтернативную точку зрения, признавая его продуктивный и преобразовательный потенциал в ходе политической борьбы, являющийся главным источником новизны. Конфликт, возникающий при множестве мнений и интересов, не только естественен, но и необходим для существования здоровой и динамичной политической среды. Для теоретика предпосылкой политического действия служит именно «факт множественности, а именно то обстоятельство, что не один единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют мир» [Арендт 2010: 14].

Вместе с тем взаимодействие в общественной сфере предполагает столкновение с другими членами общества, чьи опыт и идентичность отличаются от собственных. Такая встреча требует особой формы восприятия инаковости, характеризующейся открытостью и признанием *другого* как полноценного политического актора. Арендт придает большое значение личным встречам в публичной сфере, считая, что подлинное политическое участие происходит тогда, когда люди физически присутствуют и могут напрямую взаимодействовать друг с другом. Благодаря этим встречам происходит признание уникальности человеческого бытия. Публичная сфера — это то место, где форма восприятия

и принятия *другого* реализуется посредством значимых взаимодействий, что в итоге приводит к реализации свободного и открытого общества, способного развиваться посредством постоянного преодоления конфликта на свободной выборной основе.

Политическое как делиберативный и рациональный консенсус

В основе теорий о политическом как Карла Шмитта, так и Ханны Арендт лежит критика либеральной репрезентативной демократии, направляя свое интеллектуальное усилие на концептуальные обоснования других форм политической жизни. В свою очередь Юрген Хабермас, другой немецкий мыслитель, пытается реконструировать смысл демократии в развитом капитализме через альтернативные формы политического взаимодействия. Заимствует у Ханны Арендт концепты политического действия и политической сферы как пространства дебатов, развивая и расширяя их. Таким образом, публичная сфера, где можно свободно обсуждать и дебатировать политические вопросы и на рациональной основе обмениваться аргументами и идеями для принятия справедливых и законных политических решений, становится основой теории коммуникативного действия и дискурсивной этики Хабермаса.

Коммуникативное действие в демократическом сообществе автор относит к социальному взаимодействию, в котором участники стремятся понять друг друга и достичь рациональных соглашений посредством диалога. При этом все вытекающие моральные нормы должны быть результатом процесса значимой аргументации и разумного обоснования [Habermas 2018]. На этих принципах выстраивается понятие политического «как символическая репрезентация и коллективное самопонимание сообщества, которое отличается от племенных обществ своим рефлексивным поворотом к сознательной, а не спонтанной форме социальной интеграции» [Хабермас, 2011]. Другими словами, политическое решение и моральные принципы выстраиваются на основе договоренности и тесно связаны между собой.

Сознательная социальная интеграция предполагает рефлекссию и понимание *другого*, т. е. того, кто отличается своим восприятием мира, жизненными ценностями, моральными принципами и культурой. Именно с *другим* должно быть достигнуто согласие ввиду своей инаковости. «Равное уважение к каждому распространяется не на себя ни как, но на личность другого в инаковости» [Хабермас, 2001: 48]. Форма восприятия *другого* в дискурсивной этике предполагает признание статуса *другого* как разумного существа, способного участвовать в этических дискуссиях и имеющего право на самовыражение. Нормы, возникающие в результате рационального дискурса, должны быть универсализируемыми, то есть их можно последовательно применять ко всем без каких-либо исключений. Такой критерий гарантирует, по мнению автора, что этические принципы не станут произвольными или предвзятыми.

Взгляд Ю. Хабермаса на природу конфликта и его разрешение глубоко укоренен в его концепции делиберативной демократии, рассматривая конфликт как

неизбежный и существенный аспект политической жизни, но который можно устранить посредством рационального выбора в открытом диалоге. Подход Ю. Хабермаса к разрешению конфликтов соответствует его более широкому видению создания справедливого и основанного на широком участии в демократическом обществе. Теоретик признает, что в демократических обществах различные точки зрения, интересы и ценности неизбежно сталкиваются между собой, а тем более в плюральном обществе, в котором граждане имеют разное происхождение, взгляды и политический опыт. Конфликт служит катализатором дискуссии, позволяя критически относиться к проблемам, чтобы в конечном счете прийти к необходимому решению на универсальной консенсусной основе. Таким образом происходит легитимизация не только политическо-юридического порядка, но и морально-этической справедливости делиберативной демократии.

Именно проблема справедливости становится центром трактовки политического американского теоретика Джона Ролза. Опираясь на свою более раннюю работу *Теория справедливости*, в тексте *Политический либерализм* автор представляет переосмысленную концепцию справедливости, связанную с политическим пространством, выстраивая концепт политического как сферу, которая ограничивает роль морали, философии и религии в выстраивании фундамента общества, его социальных, политических и экономических институтов [Rawls 2005: 11]. Фактически американский философ отождествляет политическое с политическим либерализмом так как оба концепта свободны от каких-либо исчерпывающих доктрин, опираются на разумно допустимые принципы и идеалы, и самодостаточны.

Понятие справедливости как честности раскрывает представление о форме восприятия *другого* в теории о политическом Ролза. Автор предполагает, что для установления честных принципов справедливости необходимо представить, что решения принимаются под «вуалью неведения». По мнению теоретика, удалив знания о личных обстоятельствах, с большей вероятностью будут выбраны беспристрастные и универсальные принципы справедливости, честные для всех, поскольку принимающие решения не знают свою «исходную позицию» и не ведают, окажутся ли они в привилегированном или невыгодном положении внутри общества. Следовательно, в этой системе справедливости *другой* перестает быть *другим*, потому что индивид приобретает характеристику универсальности, без каких-либо индивидуальных различий, обладатель абсолютного равенства и автономии для принятия решений о наиболее справедливой форме государственного правления.

Таким образом, достигается «легитимность фундаментальных принципов справедливости на основе постоянно возобновляемого консенсуса мнений» [Золотарева 2013: 86]. На этих принципах выстраивается «перекрывающейся консенсус», основа стабильного демократического общества, который подразумевает существование общих политических ценностей и принципов, посредством которых можно прийти к согласию в политическом пространстве. Выстраивается консенсус свободный от предвзятых моральных доктрин,

религиозных убеждений, частных интересов или определенного положения в обществе, служащий как для поддержания стабильности и легитимности демократической политической системы, так и для избежания какого-либо конфликта в обществе. Другими словами, Ролз предлагает систему, направленную на минимизацию конфликтов путем устранения структурных источников недовольства и несправедливости в обществе.

Bellum, agora, consensus

Через теории рассмотренных авторов можно выделить три основных концептуальных подхода к сущности понятия политического, *bellum*, *agora* и *consensus*, от которых так или иначе отталкиваются политические философы и теоретики, формулируя новые представления о политическом. Анализ каждого подхода на основе трех основных критериев — форма взаимоотношений, восприятие *другого*, природа конфликта и его решение — позволяет не только понять принципиальные различия каждой теории, но и уловить, что даже в радикально противоположных концепциях существуют общие элементы.

Можно утверждать, что именно восприятие *другого* не только вырисовывает природу конфликта и его решения, но и диктует формы взаимоотношений, которые устанавливаются в политическом пространстве. Шмиттовский подход — *другой* как враг — подразумевает две взаимодополняющие плоскости: экзистенциальное самоопределение во внешнем и абсолютная однородность во внутреннем. Таким образом, конфликт — это только внешний атрибут, и его решение принадлежит суверенной инстанции, воплощающей национальную волю, которая выражается через аккламацию в публичном пространстве [Шмитт 2010]. Член общества находится в состоянии *bellum* с готовностью «убить или умереть» [Fusillo 2008: 198]. В этом смысле политические взаимоотношения выстраиваются по вертикали — суверен/общество —, между тем как в самом обществе, в отсутствии конфликта, отсутствуют и политические взаимоотношения, так как решения, определяющие курс развития общества, принимает один-единственный политический субъект — суверен.

Ханна Арендт заимствует у Карла Шмитта разделение политической и социальной сферы [Филиппов 2015: 63]. В своей критике либеральной демократии она, так же как и Шмитт, делает отсылку к Древней Греции, но если берлинский конституционалист берет на вооружение олигархический режим и аккламацию как политический инструмент Спарты, то Арендт обращается к афинской агоре и дебатам в публичном пространстве. *Другой* в арендтской теории вырисовывается как равноправный член плюрального общества со своим собственным восприятием мира. В этом смысле конфликт зарождается естественным образом ввиду уникальности и ценности каждого человека, имеющего свои жизненные референты и убеждения, которые взаимно сталкиваются в политических дебатах в публичной сфере о том, каким курсом будет двигаться общество. Другими словами, происходит интенсивное взаимодействие в публичном пространстве, и конфликт и его разрешение рассматривается как необходимый стимул для

прогрессивного развития общества, постоянной новизны в политическом пространстве. Для Арндт, в противовес Шмитту, общество — это плюральное сообщество, каждый член которого является политическим субъектом, принимающим активное участие в коллективном решении.

Политическое, как рациональный выбор на моральных принципах посредством консенсуса в плюральном обществе, является основой теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса и политического либерализма Джона Ролза. Отталкиваясь от разных методологических процедур — диалог и абстракция — и с разными идеологическими подходами к проблематике современного общества, оба автора подчеркивают необходимость признания *другого* и его активного вовлечения в политическую жизнь, чтобы легитимизировать делиберативную (Хабермас) или репрезентативную (Ролз) демократию и ее политические устои и институты. Это вовлечение происходит через универсализацию морально-этических и политических принципов на интересубъективной основе у Хабермаса и на концептуально-абстрактной основе у Ролза.

Таким образом, *другой* перестает быть *другим* и общество приобретает однородность бесконфликтного состояния, в котором в принципе отсутствует взаимодействие в политической сфере для принятия каких-либо решений, характеристика достаточно схожая с политическим национальным единством Карла Шмитта. Для Шанталь Муфф это является не только актом деполитизации общества, но и имеет утопический характер, так как невозможно обойти фундаментальные противостояния путем рациональной аргументации [Mouffe 2000]. Вместе с тем исключение конфликта как основного элемента политического дела делает невозможным проблематизацию достигнутого консенсуса в сфере публичного обсуждения [Mouffe 2000: 10], что является непреодолимым препятствием прогрессивного развития самого общества.

Можно сказать, что каждая из рассмотренных в статье позиций предлагает уникальное понимание сути политического. У К. Шмитта в основе политического лежит различие друга и врага. Теория Х. Арндт фокусируется на человеческих действиях, принципах множественности и плюрализма. Ю. Хабермас и Д. Ролз выстраивают политическое вокруг рационального дискурса, отмечая важность информированного обсуждения и беспристрастного выбора моральных принципов.

Эти три концепции политического являются фундаментальными, тем не менее не исчерпывающими, поскольку не объясняют всю сложность взаимосвязей в политическом пространстве. *Bellum*, *agora* и *consensus* являются векторными понятиями, вокруг которых так или иначе формируются новые определения политического. Сама постоянная необходимость дополнить, переформулировать, расставить новые акценты в понятии политического является доказательством объяснительной недостаточности формулировок.

Размежевание между понятием политика и политическим было продиктовано стремлением сформулировать тот фундамент, выражением которого и является сама политика. Но если наложить каждую концепцию на исторический период, в котором была сформулирована, то можно предположить, что концепты

органически связаны с конкретным временным и политическим пространством, выражая определенную логику своего политического поля: раздавленная Германия 1930-х гг. (Шмитт), США на грани Холодной войны 60-х (Арендт), экономика всепоглощающего капитализма Германии 80-х (Хабермас) и США 90-х (Ролз). Другими словами, говорить об универсальности любого из трех определений политического достаточно затруднительно. Это никак не умаляет сами формулировки, тем более если рассматривать политическое как динамическую категорию, которая отвечает на быстро меняющиеся контексты современной политической жизни. Понятие политического может молниеносно перейти от *agora* к *bellum* во время военных конфликтов или попыток государственных переворотов; от *consensus* к *agora* при невозможности принятия необходимого решения; или даже совмещение *bellum* и *consensus* одновременно, как произошло во время пандемии COVID-19, когда чрезвычайное положение, суверенное решение, в шмиттовской трактовке, и жесткое ограничение базовых прав и свобод имели консенсусное, в хабермасовской трактовке, согласие.

Можно было бы указать, что эти переходы обусловлены кризисными ситуациями и не выражают общую закономерность политического, тем не менее, именно кризисные ситуации раскрывают всю сущность политических явлений, как настаивал Карл Шмитт в своем *Понятии политического*.

Заключение

Современный мир сложен, динамичен, многогранен и не поддается исчерпывающему объяснению посредством определенных концептуальных формулировок. Кроме того, случайность и малые явления могут обусловить тот или иной феномен и подчеркнуть неопределенность живой жизни [Prigogine 1997], обязывают к пересмотру установившихся концептуальных конструкций с целью расширить и уточнить свою объяснительную функцию.

В данном случае понятие политического не может трактоваться исключительно в одном из трех векторов — *bellum*, *agora*, *consensus* — так как как политическое пространство не только сталкивается с новыми проблемами и феноменами (глобализация, мультикультурализм, социокультурные сдвиги, социальные сети и постправда, *big data*, искусственный интеллект), но и имеет многоуровневое измерение (глобальное, региональное, национальное, локальное), при котором все уровни взаимодействуют между собой и так или иначе влияют друг на друга, а значит, на политику и на понятие политического.

Конкретные военные конфликты, разворачивающиеся сегодня, потеряли свой локальный характер, т. е. политическое как *bellum* вышло за границы конкретного государства, проявляясь во внутренних территориях других государств, не участвующих напрямую в конфликте. Многотысячные протестные манифестации выходцев мусульманского мира в поддержку Палестины заполнили улицы и площади Европы и Америки, что указывает на несостоятельность культурно-политической интеграции и невозможность какого-либо политического консенсуса на данный момент. Более того, существует большая

вероятность, что в странах, например, Европейского союза будут пересмотрены миграционные нормы, принимая во внимание этнической и религиозный принцип, затрагивая не только будущее мигрантов, но и тех, кто уже на легальных основаниях находится на своей территории. Другими словами, свой/чужой установится как доминирующее понятие политического, но которое не исключает ни *consensus* ни *agora*.

Исходя из этого, выносятся на дебаты необходимость новой формулировки понятия политического в виде диапазона, вбирающего в себя все три вектора — *bellum*, *agora*, *consensus* и учитывающего многоуровневые характеристики сегодняшнего мира, его динамику, текучесть и непредсказуемость.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 05.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Арендт Х.* Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во института Гайдара, 2014.
- Арендт Х.* О революции / пер. И.В. Косич. М.: Европа, 2011.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Золотарева Е.В.* Концептуальные основы делиберативной демократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 84–94.
- Кукарцева М.А., Дмитриева И.А.* Политическое как эстетическое // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 17–27.
- Нанси Ж.Л.* Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2011.
- Подорога В.А.* Апология политического. М.: ВШЭ, 2010.
- Пушкарева Г.В.* Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.
- Филлипов А.Ф.* Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического // Современное значение идей Ханны Арендт: материалы международной конференции. Калининград: Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. С. 52–65.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
- Хабермас Ю.* Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал. 2011. (Сокращенный перевод под ред. Д. Узланера по изд. The Power of Religion in the Public Sphere: Judith Butler, Jürgen Habermas, Charles Taylor, Cornel West / ed. by E. Mendieta, J. VanAntwerpen, C. Calhoun. N.Y.: Columbia University Press, 2011.)
- Шмитт К.* Политика // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 93–97.
- Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
- Agamben G.* Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Badiou A.* Being and Event. L.; N.Y.: Continuum, 2006.
- Derrida J.* Globalization, Peace, and Cosmopolitanism. Negotiations: interventions and interviews. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Esposito R.* Common immunity: biopolitics in the age of the pandemic. Hoboken: John Wiley & Sons, 2023.

- Foucault M. *The will to truth*. Oxfordshire: Routledge, 2015.
- Freund J. *The Essence of Politics*. Paris: Dalloz, 2003.
- Fusillo F. *Nihilismo y soberanía* / ed. by Nihilismo y política de Roberto Esposito, Carlos Galli y Vincenzo Vitiello. Buenos Aires: Ediciones Manantial, 2008. P. 175–195
- Habermas J. *Teoría de la acción comunicativa*. Madrid: Trota, 2018.
- Lefort C. *Ensayos sobre lo político*, México: Universidad de Guadalajara, 1991.
- Magun A. *The Future of the State: Philosophy and Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2020.
- Meier H. Carl Schmitt, Leo Strauss y “El concepto de lo político”. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores. 2008.
- Mouffe C. *The Democratic Paradox*. L.; N.Y.: Verso, 2000.
- Prigogine I. *El fin de las certidumbres*. Madrid: Taurus, 1997.
- Ranciere J. *On the shores of politics*. L.; N.Y.: Verso, 2021.
- Rawls J. *Political liberalism*. N.Y.: Columbia University Press, 2005.
- Schmitt C. *La dictadura. Desde los comienzos del pensamiento moderno de la soberanía hasta la lucha de clases proletaria*, Madrid, *Revista de Occidente*, 1968, 344 pp.
- Schmitt C. *Theory of the Partisan: Intermediate Commentary on the Concept of the Political*. N.Y.: Telos. 2007.
- Strauss L. *Comentario sobre El concepto de lo político de Carl Schmitt*” en H. Meier Carl Schmitt, Leo Strauss y “El concepto de lo político”. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores, 2008.

References

- Agamben, G. (1998). *Homo Sacer. Sovereign power and bare life*. Stanford: Stanford University Press.
- Arendt, H. (2000). *Vita activa, or about active life*. St. Petersburg: Aleteyya. (In Russian).
- Arendt, H. (2014). *Between the past and the future: Eight exercises in political thought*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russian).
- Badiou, A. (2010). *Being and event*. L.; N.Y.: Continuum.
- Bourdieu, P. (1993). *Sociology of politics*. Moscow: Socio-Logos. (In Russian).
- Derrida, J. (2002). *Globalization, peace, and cosmopolitanism. Negotiations: interventions and interviews*. Stanford: Stanford University Press.
- Esposito, R. (2003). *Common immunity: Biopolitics in the age of the pandemic*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Filippov, A.F. (2015). Hannah Arendt and Carl Schmitt: Two concepts of the political. In *Contemporary meaning of Hannah Arendt's ideas. Materials of the international conference*. (pp. 52–65). Kaliningrad: Publishing House of the Kant Baltic Federal University. (In Russian).
- Foucault, M. (2015). *The will to truth*. Oxfordshire: Routledge.
- Freund, J. (2003). *The essence of politics*. Paris: Dalloz.
- Fusillo, F. (2008). *Nihilismo y soberanía*. In Carlos Galli y Vincenzo Vitiello (Eds.), *Nihilismo y política de Roberto Esposito* (pp. 175–195). Buenos Aires: Ediciones Manantial
- Habermas, J. (2011). What is “political”. The Rational Meaning of the Dubious Heritage of Political Theology. *Russian Journal*. [Butler, J., Habermas, J., Taylor C., & West, C.E. Mendieta, J. Van C. Antwerpen, (Eds.), *The Power of Religion in the Public Sphere*. N.Y.: Columbia University Press, 2011.]
- Habermas, J. (2018). *Teoría de la acción comunicativa*. Madrid: Trota,
- Habermas, J. (2001). *Involvement of the Other. Essays on political theory*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

- Kukartseva, M., & Dmitrieva, I. (2020). Political as aesthetic. *Voprosy Filosofii*, (7), 17–27. (In Russian).
- Lefort, C. (1991). *Ensayos sobre lo político*, México: Universidad de Guadalajara.
- Magun, A. (2020) *The Future of the State: Philosophy and Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Meier, H. (2008). *Carl Schmitt, Leo Strauss y “El concepto de lo político”*. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores.
- Mouffe, C. (2000). *The democratic paradox*. L.; N.Y.: Verso.
- Nancy, J.L. (2011). *Inoperative community*. Moscow: Aquarius. (In Russian).
- Podoroga, V.A. (2010). *Apologia for the political*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Prigogine, I. (1997). *El fin de las certidumbres*. Madrid: Taurus.
- Pushkareva, G.V. (2012). Political space: problems of theoretical conceptualization. *Polis. Political studies*. (2), 166–176. (In Russian).
- Ranciere, J. (2021). *On the shores of politics*. L.; N.Y.: Verso.
- Rawls, J. (2005). *Political liberalism*. N.Y.: Columbia University Press.
- Schmitt, C. (1968). La dictadura. Desde los comienzos del pensamiento moderno de la soberanía hasta la lucha de clases proletaria. Madrid: Revista de Occidente, 344 pp.
- Schmitt, C. (2016). The concept of the political. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Schmitt, C. (2007). Theory of the Partisan: Intermediate commentary on the concept of the political. N.Y.: Telos.
- Schmitt, C. (2010). Politics. *Sociological Review*. 9(3), 93–97. Retrieved from <https://sociologica.hse.ru/2010-9-3/27370495.html> (In Russian)
- Strauss, L. (2008). Comentario sobre El concepto de lo político de Carl Schmitt”. In H. Meier (Ed.), *Carl Schmitt, Leo Strauss, “El concepto de lo político”*. *Sobre un diálogo entre ausentes*. Buenos Aires: Katz Editores.
- Zolotareva, E.V. (2013). Conceptual foundations of deliberative democracy. *RUDN Journal of Political Science*, (1), 84–94.

Сведения об авторе:

Пригорян Нелли — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: 1042215273@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9247-7695)

About the author:

Nelly Prigorian — Postgraduate of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: 1042215273@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9247-7695)